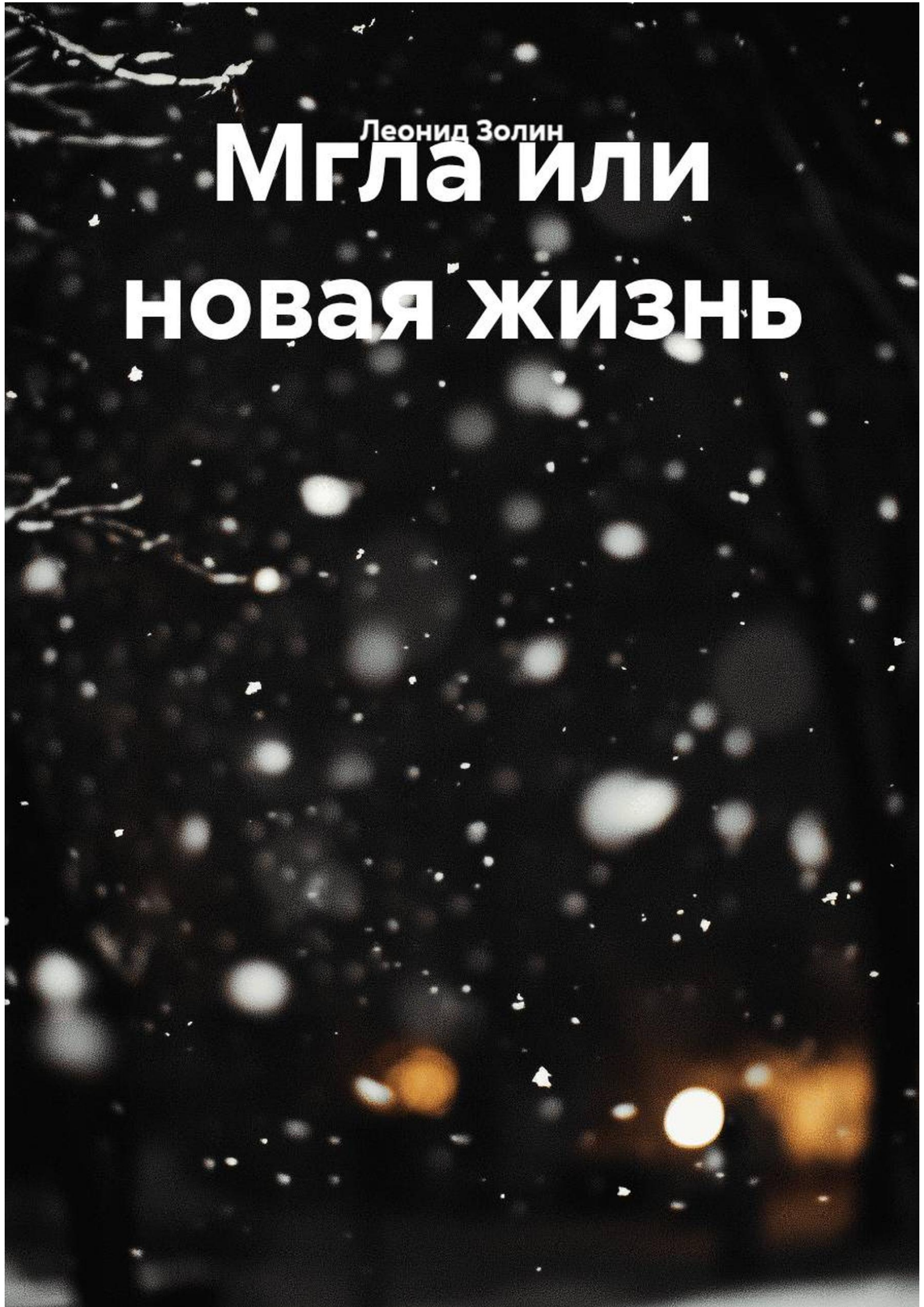

Леонид Золин

Мгла или новая жизнь

Леонид Золин

Мгла или новая жизнь

«Автор»

2026

Золин Л. С.

Мгла или новая жизнь / Л. С. Золин — «Автор», 2026

Мальчик с необычным именем Аэлир всю жизнь платит за чужой выбор: мать дала ему кельтское имя, и с первого школьного дня оно стало мишенью. Насмешки, изоляция, молчание — он научился быть незаметным, а утешение нашёл там, где не ждал: в старой бабушкиной книге «Сказания Северного Предела», где говорилось о Пространстве Мглы — щели между жизнью и смертью, где обитает богиня Илева. Никто не поверил — ни мать, ни одноклассники. Только Элия, новенькая с короткой стрижкой и серыми глазами, не засмеялась. Она оставила дверь приоткрытой, как и он сам когда-то. А потом — заброшенная электростанция, субботняя вылазка, пожар, рухнувший потолок. И Аэлир открывает глаза в серой, плотной, беззвучной Мгле, о которой читал девять лет. Мгла настоящая. Он был прав. Рядом, без сознания, лежит Элия. И где-то здесь, в тишине, которая слышит, ждёт Илева дева с глазами цвета мёртвого янтаря.

© Золин Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Леонид Золин

Мгла или новая жизнь

Глава 1

Глава первая. Мгла Имя это первая вещь, которую человек получает не по своей воле.

Первая метка, которую он не выбирает. Аэлир получил своё ещё до рождения: мать, с древними языками, начитавшись сборников кельтских преданий, решила, что сына зовут именно так коротко, певуче, непривычно. Аэлир, говорила она, прижимая ладонь к животу, и слово звучало для неё как ветер, гуляющий по горным пустошам. Отец пожал плечами ему было всё равно, лишь бы не Олег.

В первые годы имя не доставляло хлопот. Детский сад мягкий, тёплый мир, где дети не умеют ещё превращать чужое отличие в оружие. Воспитательницы говорили Аэлирушка, малышам было всё равно, они ковыряли пластилин и дрались за лопатки в песочнице. Школа всё изменила. Первый день. Учительница открыла журнал, пробежала взглядом по строчкам и чуть нахмурилась. Аэл...ир? она произнесла это с вопросительной интонацией, будто пытаясь понять, не опечатка ли это. Аэлир, сказал мальчик тихо. Он уже привык к этому тону, к этому лёгкому непониманию в голосах взрослых, будто он сам виноват в том, как его зовут. Какое необычное имя, сказала учительница с натянутой улыбкой. И тридцать пар детских глаз разом повернулись к нему. Через пять минут на перемене к нему подошёл мальчик в клетчатой рубашке Неволин, Саша Неволин, который позже станет его главным мучителем на годы вперёд. Аэлир, повторил Саша, растягивая слово, будто жевал резинку. Аэ-ли-р. Ты чё, нерусский? Русский, ответил Аэлир. А чё имя такое? Ты чё, из цирка? Смех мелкий, кишечный, какой бывает только у детей, ещё не знающих, что делают больно, прокатился по коридору. Аэлир не ответил. Он научился не отвечать очень рано. К третьему классу насмешки оформились в систему. Аэлир-аэлерон, Аэлир-воздушный шар, Аэлир инопланетянин.

Ему подбрасывали в рюкзак записки с карикатурами кривой человечек с круглой головой и надписью Аэлир с планеты Дурацких Имён. Он находил их, разворачивал, смотрел несколько секунд, складывал обратно и клал в боковой карман. Карман постепенно пух. Отец говорил

Не обращай внимания. Скоро вырастут. Мать говорила. Это красивое имя. Они просто не понимают. Оба были правы по-своему, и оба не помогали. Аэлир не плакал во всяком случае, не при людях. Он приходил домой, закрывал дверь комнаты, садился на пол, спиной к кровати, и смотрел в стену. Стена была белая, с тонкой трещиной, идущей от угла к розетке. Иногда он водил по ней пальцем, будто рисуя что-то невидимое. К пятому классу стало совсем плохо. Подросли, а доброты не прибавилось наоборот. Теперь издевательства стали тоньше, изощрённее. Его не били нет, бить в их школе считалось уже недопустимым, за это могли вызвать родителей. Зато его игнорировали. Полностью, тотально, будто он был мебелью. Когда на уроке работали в парах, он оставался один. Когда выстраивались на физкультуру, он стоял последним не потому что хотел, а потому что никто не хотел даже стоять рядом. Когда учитель спрашивал, кто хочет сесть с Аэлиром, в классе повисала такая тишина, будто он предложил сесть рядом с больным. Один раз один-единственный он попытался ответить. Саша Неволин на весь класс сказал Аэлир, тебя что, по буквам называли, когда родился, и ты даже не понял, что это имя? Аэлир, не вставая с места, тихо ответил А тебя называли Саша, потому что фантазии не хватило даже на имя. Класс замер. Саша покраснел. Аэлир почувствовал короткий, жгучий укол победы и тут же получил расплату: после уроков Саша с двумя друзьями поджидали его у выхода, толкнули в лужу и ушли, не оборачиваясь. Аэлир лежал в холодной грязной воде и смотрел в серое небо, и небо ничего ему не сказало. Больше он не огрызался. Всё началось с

книжного шкафа. В квартире Аэлира их было два: один в гостиной, широкий, забитый детективами и кулинарными книгами, а второй в коридоре, узкий, старый, с перекошенной фанерной задней стенкой. Он стоял здесь с тех времён, когда квартира принадлежала бабушке, и после её смерти его не тронули просто забыли, как забывают вещи, которые не мешают.

Аэлиру было девять, когда он открыл его от скуки. Внутри пыль, запах старой бумаги, желтоватые корешки. Сборник кроссвордов 1997 года. Кулинарная книга без обложки. Пачка Мурзилок в папке на кнопке. И одна книга тонкая, в твёрдом переплёте тёмно-бордового цвета, без суперомбли, без фотографий на обложке. Просто золотые буквы, полустёршиеся **Сказания Северного Предела**. Аэлир открыл её прямо на полу, в коридоре, и первые страницы рассыпались у него в руках ветхие, желтоватые, с неровными краями, будто их резали неаккуратным ножом. Он перевернул бережно, нашёл целые. Шрифт был мелкий, плотный, с непривычными буквами **ять, фита, десятиричное**. Текст был на русском, но на таком русском, который приходилось читать вслух, чтобы понять. Аэлир, прищурившись, водил пальцем по строчкам и бормотал. Книга оказалась собранием преданий не сказок, именно преданий, потому что в них не было ни жили-были, ни добрые молодцы, ни тридевятого царства. Тон был сухой, почти летописный. Рассказывалось о крае на севере, за которым нет больше земли, о тундре, что схвачена вечной мерзлотой, о реках, текущих подо льдом, о народах, которые жили здесь до того, как пришли первые карты. Одно предание зацепило его. Оно называлось просто: **О Пространстве Мглы**. Текст был частично повреждён на нескольких страницах выцвели чернила, и отдельные строки читались с трудом, как надпись на старом надгробии. Но основное Аэлир разобрал. Пространство Мглы, говорилось в предании, это не место. Это состояние, щель между жизнью и тем, что идёт после, пауза, в которой мир ещё не решил, что с тобой делать. Мгла не была адом и не была раем она не наказывала и не награждала. Она просто была, как бывает пустая комната, в которую ты вошёл, но свет ещё не включил. Вход туда, утверждала книга, открывается не для каждого. **Нужны три условия**. Первое: человек должен быть на грани между жизнью и смертью, между сознанием и небытием, в точке, где тело уже не держит, а дух ещё не ушёл. Второе: он должен знать о Мгле не верить, а именно знать, держать её образ в памяти, как держишь в памяти дорогу домой. Третье и это самое непонятное Мгла должна его признать. Что это значит, книга не поясняла. А дальше дальше шло то, ради чего Аэлир перечитал страницу пять раз. В Мгле, говорилось в предании, живёт **Илева**. Илева богиня. Не богиня в греческом или скандинавском смысле, не персонаж с чёткой родословной и известными подвигами. Скорее присутствие. Сущность, которая обитает в Мгле с тех пор, как Мгла существует, и которая делает единственное: она встречает тех, кто пришёл. Книга описывала её скупое. Облика постоянного не имеет, читал Аэлир, шепча слова в тишине коридора, но являлась приходящим в виде девицы, обликом строгим и тихим, с глазами цвета мертвого янтаря, и речами негромкими, кои каждый слышал на наречии своём. Илева не судила и не спасала она разговаривала. О чём книга не говорила. Но в финале предания была фраза, которую Аэлир выучил наизусть, не стараясь. И не было ещё ни единого, кто бы, встретив Илеву во Мгле, вернулся в мир тот же, что и прежде. Ниже, на полях, чужим почерком тонким, косым, явно более поздним было приписано чернилами басни. Невероятное. Се есть лишь страх смертных перед концом, облечённый в слова. Аэлир перечитал приписку, потом текст, потом снова приписку. И закрыл книгу. Он не поверил. Он не не поверил он усомнился, а это другое. Усомниться значит оставить дверь приоткрытой, а поверить или нет решит потом. Но образ уже вошёл Мгла, тихая и непроглядная, и в ней дева с глазами цвета мёртвого янтаря, которая ждёт. Он стал перечитывать предание. Сначала каждый день, потом каждую неделю, потом когда было особенно плохо. После особенно злой перемены, после очередной записи в боковом кармане рюкзака, после того как целый день просидел один, он приходил домой, открывал шкаф, доставал книгу и читал. Слова не менялись, но он менялся с каждым разом Мгла представлялась ему всё отчётливее, как будто не он придумывал её, а она сама, по капле,

проявлялась в его воображении. Однажды ему было одиннадцать он попытался рассказать. На перемене, в шестом классе, когда класс был вяло-мирным и Саша Неволин болел, Аэлир оказался рядом с двумя мальчишками, которые говорили про видеоигры. Он послушал минуту, потом не с чего, не с того сказал: А вы знаете, что есть такое место Пространство Мглы? Это между жизнью и смертью. И там живёт богиня, Илева. Если туда попасть, она с тобой поговорит, и ты вернёшься другим. Пауза. Ты чё несёшь? спросил один. Из книжки, сказал Аэлир. Старой. Там написано. Ты совсем поехал, сказал второй. Богиня в тумане. Ты головой больной? Смех, недолгий, но достаточный. Аэлир замолчал и больше не пытался. Он попытался ещё раз дома, с матерью. Мать выслушала с тем выражением, которое он уже хорошо знал мягкая, снисходительная полуулыбка, за которой пряталось **это пройдёт**. Аэлирушка, это же сказки. Бабушкина старая книга, там полно такого. Ты не принимай близко. Это не сказки, сказал он. Это предание. Предание, сказание одно и то же, милый. Нет. Сказка это когда придумали. Предание это когда записали то, что было. Мать посмотрела на него долгим взглядом, в котором мелькнуло что-то не тревога, но и не понимание. Ближе к тревоге. Ты бы лучше на улице гулял, сказала она. Больше он не говорил об этом ни с кем. Книга осталась в шкафу. Мгла осталась в голове. Илева где-то между, в полутени, с глазами цвета мертвого янтаря, которых он никогда не видел, но мог бы нарисовать с закрытыми глазами. Седьмой класс. Новая школа мать перевела его, надеясь на чистый лист. Чистый лист не получился: имя по-прежнему было при нём, как тень, как родинка на лице, которую не скроешь. Но в новой школе всё-таки было легче не потому что лучше, а потому что Аэлир научился быть незаметным. Он ходил вдоль стен, сидел на задних партах, говорил негромко и только когда спрашивали. Он стал экспертом в искусстве отсутствия присутствовать физически и не существовать для окружающих. Ему было тринадцать, когда всё изменилось второй раз. Случай свёл его с компанией не компанией, скорее кучкой, которую сама школа считала странными». Четверо: Глеб высокий, в очках, с вечно красными ушами; Марина круглолицая, громкая, с хвостом, который она дёргала, когда нервничала; Дима маленький, быстрый, с разбитой губой, которую он получал раз в неделю, потому что лез куда не надо; и Лёша молчаливый, с тяжёлым взглядом, который однажды на вопрос ты чё такой грустный? ответил Я не грустный. Я Лёша. Они сидели на заднем дворе школы, на бетонных плитах у мусорных баков, месте, которое все обходили, потому что пахло, а они не пахло, потому что привыкли. Аэлир шёл мимо срезая путь, и услышал, как Глеб читает вслух что-то из телефона. Что-то про заброшенный завод и сталкеров. Аэлир остановился не потому что заинтересовался, а потому что Глеб читал с таким серьёзным лицом, будто зачитывал приказ. Ты чё стоишь? спросила Марина, не поворачиваясь. Ничего, сказал Аэлир. Ну и иди, сказала она. Он не пошёл. Сел на край плиты, подальше от всех. Никто не сказал уходи. Никто не сказал останься. Его просто не прогнали, и этого было достаточно. Он стал приходить каждый день. Молча. Сидел, слушал. Глеб читал. Марина что-то рассказывала. Дима лез драться с турником и падал. Лёша молчал. Аэлир молчал вместе с Лёшей, и однажды Лёша, не поворачивая головы, сказал: Ты подходящий. Это было всё. Больше ничего. Но Аэлир понял. Элия появилась через две недели. Она пришла не к ним она пришла в школу, в их класс, в середине октября, когда распределение мест за партами уже устоялось и сдвигать никого не хотелось. Учительница, та же самая, с той же натянутой улыбкой, сказала У нас новенькая. Элия Соловьёва. Пожалуйста, садись... она оглядела класс, на заднюю парту, к Аэлиру. Аэлир вздрогнул. К нему? К нему, за парту? За два года в этой школе ни разу ни разу рядом с ним не села живая душа. Элия прошла между рядами. Она была невысокая, с тёмными волосами, коротко стриженными почти как мальчишка, но не совсем; спереди длинная чёлка, падающая на глаза, которую она убирала за ухо одним движением, машинальным, как будто делала это тысячу раз. Тонкое лицо, острый подбородок, большие глаза не карие, не зелёные, а какой-то микс, который менялся в зависимости от света у окна серые, в коридоре почти чёрные. На ней была толстовка с капюшоном тёмно-синяя, на два размера больше, и рваные на коленях джинсы. Она села рядом. Положила

рюкзак на пол. Достала тетрадь. Открыла. Посмотрела на Аэлира. Привет, сказала она. Привет, сказал Аэлир. Ты Аэлир? Да. Странное имя. Он ждал. Ждал продолжения улыбки, смешка, а чё такое имя. Ничего. Красивое, сказала Элия и отвернулась к доске. Аэлир смотрел в тетрадь и не видел ни одной буквы. Первую неделю она была вежлива и никакова. Здравовалась, прощалась, на перемены уходила куда-то то в библиотеку, то во двор, то просто ходила по коридорам, руки в карманах толстовки. Аэлир не лез. Он знал цену навязанности его самого навязывали классу столько раз, что он не хотел быть тем, кто навязывает. На второй неделе она пришла на задний двор, к бетонным плитам у мусорных баков, к ним. Можно? спросила она, стоя чуть в стороне. Это не наше место, сказал Глеб, не поднимая глаз. Это школьный двор. Я знаю, сказала Элия. Я спрашиваю можно мне с вами? Садись, сказала Марина. Элия села. Скрестила ноги. Достала из кармана телефон, но не включила просто держала. Слушала. Дима рассказывал про заброшенный дом на окраине, где, по его словам, жил бомж, который разговаривал с голубями. Элия не смеялась, но и не отмалчивалась кивала, задавала короткие вопросы: А ты сам видел? А голуби отвечали? Аэлир наблюдал. Не за компанией за ней. За тем, как она убирала чёлку за ухо. За тем, как у неё менялся взгляд, когда она слушала внимательно, глаза становились шире и темнее, как будто она впитывала, а не просто слышала. За тем, как она, когда Дима сказал а потом бомж кинул в меня палку, не засмеялась, а сказала спокойно: Ну, ты, наверное, тоже его чем-то напугал. И Дима, который всегда огрызался на замечания, замолчал и сказал Ну да. Я немного громко шёл. Аэлир подумал она умеет слушать так, что человек перестаёт защищаться. Это редкость. Он знал, потому что сам всю жизнь защищался. Через месяц Элия стала частью компании незаметно, как становится частью пейзажа дерево, которое посадили весной и к лету уже не отличить от остальных. Она приходила, садилась, слушала, иногда рассказывала про свой старый город, откуда переехала (маленький, серый, с трубой завода, которая дымила круглые сутки), про мать, которая работала на двух работах, про кошку, которую не удалось забрать при переезде. Голос у неё был негромкий, ровный, без тех интонационных кульбитов, которыми пользуются люди, когда хотят понравиться. Она не хотела понравиться. Она просто говорила. Аэлир разговорился с ней первым не о Мгле, нет. О книгах. Он увидел у неё в руках потрёпанный томик без обложки, с заклеенным скотчем корешком. Что читаешь? спросил он. Стругацкие, сказала она. Трудно быть богом. Хорошая, сказал он, хотя не читал. Ты не читал, сказала Элия, не обидно, просто констатируя. Нет. Тогда почему сказал хорошая? Аэлир замолчал. Он не знал, почему. Может, потому что хотел, чтобы было хорошо. Может, потому что хотел, чтобы она продолжала говорить с ним. Прочитай, сказала Элия. Тогда скажешь. Он прочитал. За два дня, ночь напролёт, с фонариком под одеялом. Наутро пришёл в школу с красными глазами и сказал Хорошая. Теперь верю, сказала Элия и улыбнулась. Улыбка была короткая, асимметричная один уголок губ выше другого, и от неё у Аэлира что-то сдвинулось внутри, как будто тяжёлый камень, который он носил в груди годами, качнулся и встал на новое место. Они стали разговаривать. Не каждый день Аэлир не умел каждый день, ему нужно было время, чтобы привыкать к близости, как животному, которое долго жило одно и теперь не верит, что его не ударят. Но часто. Элия не спрашивала про имя. Не а почему тебя так называли, не а не обижают ли тебя. Один раз только один она сказала тебя ведь зовут Аэлир. Это кельтское? Он кивнул. Я читала, что кельтские имена все значат что-то. Аэлир это что-то значит? Он не знал. Он никогда не проверял. Ему было всё равно, что оно значит для филологов ему было важно, что оно значит для него. Но Элии он сказал не знаю. Надо посмотреть. Давай вместе, сказала она. И это давай вместе простое, лёгкое, брошенное, как монета на стол, было для него важнее, чем все слова, которые он слышал за последние пять лет. Они посмотрели. В школьной библиотеке, в старом словаре кельтских имён, в пыли, на последней полке. Нашли Аэлир предположительно, от корня, означающего тот, кто слышит. Элия прочитала вслух Тот, кто слышит. Подходит, сказала она и посмотрела на него. Ты ведь слышишь. Всё. По-настоящему. Аэлир не ответил. Он боялся, что если откроет рот, то скажет что-то, чего нельзя гово-

рять, что-то слишком большое, слишком настоящее. Он рассказал ей о Мгле через месяц после знакомства. Не потому что решился потому что не выдержал. Они сидели у него дома, в коридоре, перед старым книжным шкафом. Аэлир достал книгу Сказания Северного Предела и положил на колени. Элия смотрела. Это бабушкина, сказал он. В ней одно предание. Я тебе покажу. Он открыл на странице **О Пространстве Мглы** и протянул. Элия взяла, откинула чёлку, склонилась. Читала долго дольше, чем он ожидал. Он сидел рядом и слышал, как она дышит, ровно и тихо, и не шевелился. Элия дочитала, закрыла книгу, но не вернула положила себе на колени, как он. Илева, сказала она. Богиня. Да. И ты веришь? Тот же вопрос, что у всех. Но голос другой. Не снисходительный, не насмешливый. Осторожный. Как будто она стоит на краю чего-то и не знает, шагать или нет. Я не верю, сказал Аэлир. Я знаю. Как можно знать то, чего не видел? Как можно не знать то, что чувствуешь? Элия молчала. Потом сказала расскажи, как ты её представляешь. И он рассказал. О Мгле серой, плотной, беззвучной, в которой нет ни верха, ни низа, ни пола, ни потолка, а есть только присутствие, как будто воздух стал твёрдым. Об Илеве тихой, с глазами цвета мертвого янтаря, которая не говорит первой, но ждёт. О том, как он читал предание сотню раз и каждый раз Мгла становилась яснее, как фотография, которая проявляется в реактиве. Элия слушала, не перебивая. Когда он закончил, она сказала я хочу прочитать сама. Полностью. Можно? Да. Она взяла книгу домой. Вернула через три дня. Аэлир, когда принимал, заметил закладку тонкую полоску бумаги, аккуратно сложенную, на странице с преданием о Мгле. Он не сказал ничего. Она тоже. Больше они не говорили об этом прямо. Но Аэлир чувствовал иначе. Не как с матерью, не как с теми мальчишками. Элия не сказала верю и не сказала не верю. Она оставила дверь приоткрытой как он когда-то, в девять лет, на полу в коридоре. И это было больше, чем вера. Зброшенная электростанция стояла на окраине, за промзоной, в трёх километрах от последней остановки автобуса. Глеб нашёл её на спутниковой карте чёткий прямоугольник крыши, врезанный в заросший пустырь, и показал всем на экране телефона, в четверг, на бетонных плитах. Вот, сказал Глеб, водя пальцем. Станция. Зброшена с девяностых. Там, по форумам, говорят, внутри кое-что осталось щиты, турбины, даже мебель в административном корпусе. Идём? спросил Дима, и это было риторическим, потому что Дима спрашивал идём? Даже про заброшенный ларёк во дворе. Надо посмотреть сначала, сказал Лёша. В смысле, как проходить, нет ли охраны. Какой охраны, махнула Марина. Она двадцать лет стоит. Никому не нужна. А если бы была нужна, сказал Лёша, тогда тем более охрана. Решали недолго. Суббота, двенадцать часов, встреча у остановки. Все. Включая Аэлира и Элию, которые молчали и переглядывались, потому что оба знали: это будет их первая настоящая вылазка не в школу, не во двор, а за город, в место, где нет расписаний и оценок. Они даже не подозревают что это вылазка станет первой и последней.

Суббота выдалась серая, с низким ветром. Встретились у остановки все пятеро, плюс Элия. Шли гуськом, по обочине шоссе, потом свернули на грунтовку, которая вела мимо складов, через пустырь, заросший борщевиком, к промзоне. Электростанция открылась внезапно за поворотом дороги, из-за зарослей ивы. Серое здание, длинное, одноэтажное, с рядами узких окон под самой крышей как амбразуры, через которые смотрел только свет. Кирпич потемнел, местами осыпался, обнажая ржавую арматуру. Крыша профнастил, измятый, с дырами, в которые, должно быть, лило дождями. Забор сетка-рабица, местами поваленная, и калитка без замка, открытая. Идём, сказал Дима и первым проскользнул внутрь. Внутри было сухо и гулко. Бетонный пол, в трещинах пыль и мелкий сор. Стены голые, с облупившейся краской где-то жёлтой, где-то зелёной, под ней голый кирпич. Вдоль стен ржавые конструкции останки щитовых панелей, трубы, обрывки кабеля. Пахло железом, пылью и чем-то сладковатым то ли гнилью, то ли сыростью, то ли тем запахом, который бывает только в местах, где давно не было людей. Круто, сказала Марина, оглядываясь. Она дёрнула хвост значит, нервничала, но радостно. Разбрелись. Глеб и Дима в сторону турбинного зала, большого, тёмного, с остатками механизмов, похожих на окаменевших животных. Марина и Лёша в административный

корпус, через дверь в торце, куда вела потёртая дорожка из плитки. Аэлир и Элия остались у входа не сговариваясь, просто так вышло. Ну, сказал Аэлир. Идём? Идём, сказала Элия. Они пошли вдоль главного коридора. Узкий, с дверями по обеим сторонам кабинетными, фанерными, с матовыми стёклами, половина выбита. Аэлир заглядывал в каждую дверь столы, стулья, шкафы, всё серое, пыльное, покрытое налётом, как будто время здесь не остановилось, а замедлилось до предела. На одном столе кружка, перевёрнутая, с тёмным кольцом внутри, от кофе, который кто-то допивал в последний день станции, двадцать лет назад. Элия шла рядом, близко, плечо к плечу. Не боялась Аэлир видел она смотрела вокруг с тем же выражением, с каким читала Стругацких, широко, внимательно, впитывая. Здесь жили люди, сказала она. Работали, пили кофе, смеялись. А потом ушли, и кружку забыли перевернуть. Или специально оставили, сказал Аэлир. Зачем? Чтобы кто-нибудь пришёл и подумал о них. Элия посмотрела на него. Чёлка упала на глаза. Она убрала её. Кивнула. Коридор кончился залом большим, высоким, с остатками мостового крана под потолком. Кран заржавел, его балка прошла поперёк зала, как хребет доисторического зверя. Под ним бетонный пол, чистый, почти без сора. В углу старая металлическая лестница, ведущая на второй ярус, к площадке обслуживания. Наверх? спросил Аэлир. Наверх, сказала Элия. Лестница скрипела, но держала. Они поднялись. Площадка узкая, с перилами, огибающая зал по периметру. Отсюда видно всё пол, кран, двери коридора, окна под крышей, через которые падал серый свет. Они стояли у перил, рядом. Внизу пустой зал, гулкий, как бочка. Ветер через щели в крыше тянул тонко, по-флейтовому. Красиво, сказала Элия. Да, сказал Аэлир, но смотрел не на зал. Он смотрел на неё. На профиль острый, чистый, с тёмной чёлкой, которую ветер шевелил. На руки тонкие, на перилах, с царапиной на тыльной стороне левой, которой он не знал историю. На то, как она стояла спокойно, прямо, без позы, без напряжения, как человек, которому здесь хорошо. И Аэлир подумал: вот. Вот момент. Вот он тот самый, ради которого всё: и имя, и насмешки, и годы молчания, и Мгла, и Илева, и книга, и всё всё вело сюда, к этой площадке, к этим перилам, к этой девочке с глазами, которые меняют цвет. Он хотел сказать. Не знаю что может, ты красивая, может, мне с тобой хорошо, может, просто Элия одно слово, без продолжения, но такое, от которого всё становится ясно. Он открыл рот. И в этот момент снизу, из глубины здания, из того места, куда ушли Глеб и Дима, раздался звук. Не громкий, но неправильный глухой, утробный, как будто здание крякнуло. Потом второй, выше, резче, как треск. А потом свет. Не электрический. Не дневной. Оранжевый, жирный, живой, огонь. Он вспыхнул в дальнем конце здания, в турбинном зале, и повалил мгновенно, будто кто-то плеснул бензином и поднёс спичку. Пламя рванулось вверх, к потолку, и потолок ответил чем-то вспыхнуло, загудело, потекло. Старая изоляция, кабельная обмотка, мазутные подтёки на полу всё, что должно было сгнить, но не сгнило, а ждало, вспыхнуло разом, как один огромный фитиль. Что это?! крикнула Элия. Огонь! Аэлир схватил её за руку. Бежим! Они побежали по площадке, к лестнице. Лестница вниз, в зал. В зале уже было дымно, не видимо, но дым плотный, чёрный, катился по потолку, как живое существо. Аэлир рванул к выходу, к дверям коридора, и остановился. Коридор горел. Огонь шёл от турбинного зала, по коридору, по старым фанерным дверям, по кабелю в стенах, быстро, страшно быстро, как будто он не распространялся, а бежал, и бежал к ним. Двери вспыхивали одна за другой хлоп, хлоп, хлоп как будто кто-то щёлкал зажигалкой в темноте. Аэлир метнулся назад, в зал. Другой выход через административный корпус? Но между залом и административным стена, глухая, кирпичная, без дверей. Окна? Высоко, под потолком, узкие, как щели. Не пролезть. Сюда! крикнул он и потащил Элию обратно, на площадку, наверх потому что наверху хотя бы дым не сразу. Они взлетели по лестнице. Площадка. Перила. Внизу зал, который уже заполнялся огнём. Пламя лизало стены, поднималось по кабельным стоякам, как по верёвкам. Дым поднимался следом густой, непроницаемый, и с каждой секундой его было больше. Элия закашлялась. Аэлир стянул с себя куртку, махнул бесполезно, дым был везде. Он прижал её к себе, к стене, к углу площадки, где было меньше всего тяги, и накрыл курт-

кой. Дыши через ткань, сказал он. Аэлир... Дыши через ткань. Сейчас. Слышишь? Дыши. Она кивнула. Он видел только глаза тёмные, огромные, без паники, но с чем-то, что было хуже паники, с пониманием. Дым заполнял. Огонь поднимался. Здание трещало, и не от жара от чего-то другого, структурного, как будто огонь был лишь первым, а за ним шло второе, тяжёлое, беззвучное. Потолок. Аэлир поднял голову. Профнастил крыши, над площадкой, вздрагивал. Дыры в нём светились оранжевым. Металл гудел. Балки, на которых держался профнастил, ржавые, старые, двадцать лет без ремонта, гнулись, и ржавчина крошилась с них, как перхоть, сыпалась вниз мелким рыжим дождём. Сейчас упадёт, сказала Элия. Не крикнула. Сказала. Нет, сказал Аэлир, хотя знал, что да. Аэлир. Нет. Аэлир, послушай меня. Нет. Нет. Мы выберемся. Сейчас. Аэлир. И он посмотрел на неё. Она стояла, прижатая к стене, в его куртке на плечах, с чёлкой, прилипшей к мокрому лбу, и смотрела на него не с мольбой, не со страхом. С чем-то тихим и странным, чего он не мог разобрать, потому что не хватало света и не хватало воздуха, и не хватало времени. Потолок рухнул. Не весь секцией, над ними, над площадкой. Профнастил, балки, кирпичная крошка, изоляция, куски ржавого металла всё посыпалось разом, как будто выдохнуло, и Аэлир успел в последнюю долю секунды, не думая, не решая, просто телом рвануть Элию вниз, на пол площадки, накрыть собой, вжать в бетон, и мир обрушился на его спину. Звук исчез. Свет исчез. Боль была, но короткая, как удар, а не как течение. А потом тоже исчезла. Тишина. Не тишина, как в классе, когда все замолкают. Не тишина, как ночью, когда слышен холодильник. Другая абсолютная, глухая, без дна и без края, тишина, в которой нет ни единого звука, ни единого шороха, ни дыхания, потому что он не дышал. Или дышал, но не слышал. Аэлир открыл глаза. Ничего. Нет не ничего. Было. Что-то. Не свет, не тьма что-то между, что-то, у чего нет названия на языке, которому его учили. Плотный, осязаемый мрак, не чёрный, а серый, серый без оттенка, без глубины, без перспективы. Как будто воздух стал матовым стеклом, и сквозь него ничего не видно, но всё чувствуется. Он стоял. Или висел. Или лежал. Он не мог определить не было пола, не было потолка, не было верха, не было низа. Только присутствие. Воздуха, пространства, покоя. Тишина та, абсолютная была не пустой. Она была полной, как бывает полна комната, в которой много людей, но все молчат. Аэлир посмотрел на свои руки. Руки были. Пальцы были. Он пошевелил ими, и они послушались, но без ощущения не было ни тепла, ни холода, ни тяжести. Только движение. Он стоял в сером, плотном, беззвучном пространстве. Без пола под ногами, без потолка над головой, без стен вокруг. Только Мгла. Мгла. Аэлир узнал её не глазами, не разумом, а чем-то глубже, чем разум, чем память, чем знание. Он узнал её так, как узнают дом, в котором вырос, после долгой разлуки не по деталям, а по ощущению, которое приходит раньше зрения. Он был прав. Он был прав. Всё это время девять лет, с коридора, с книжного шкафа, с пожелтевшей страницы, с ятиями и фитой, с насмешками, с басни, невероятное, с матерью, которая сказала это пройдёт, с теми мальчишками, с Сашей Неволным, с боковым карманом рюкзака, полным записок, всё это время он был прав. Мгла существовала. Она была здесь. Она была вокруг. Она была внутри. Она была именно такой, как он представлял серая, плотная, беззвучная, без верха и низа, без пола и потолка, и в ней не было ни страха, ни боли, ни облегчения. Только присутствие, ровное и полное. Аэлир закричал. Он закричал во всё горло не от страха, не от боли, от чего-то, что было больше и страха, и боли, и радости, чего-то, у чего не было названия, но что рвалось наружу, как прорвавшая плотину вода. Он кричал, и крик шёл в Мглу, и Мгла принимала его не эхом, не ответом, а молчанием, которое было ответом, потому что молчание Мглы не было пустым. Оно было слышащим. Я был прав! кричал Аэлир. Я был прав! Она есть! Мгла есть! Она здесь! Я знал! Я знал! Его голос уходил в серую плотность и растворялся, как соль в воде, но не пропадал. Аэлир чувствовал Мгла впитывала, забирала, держала. Каждое слово, каждый звук, каждый выдох всё оставалось здесь, в этом пространстве, которое не выпускало. Он кричал, пока горло не сжалось и звук не перешёл в хрип, а хрип в дыхание, тяжёлое, рваное. Он согнулся не от боли, от полноты, и положил руки на колени, хотя не знал, есть ли колени, есть

ли пол под ногами. Потом он выпрямился. И увидел. В нескольких шагах или не в шагах, здесь не было расстояний, но что-то подсказывало близко на полу, которого не было, лежала Элия. Она лежала на боку, как лежала на площадке, когда он накрыл её собой. Чёлка прилипла к виску. Глаза закрыты. Руки прижаты к груди. Куртка его куртка на плечах. Она была здесь в Мгле, с ним, и не двигалась. Аэлир опустился рядом. На колени. Протянул руку. Коснулся её плеча и почувствовал: тепло. Мгла не имела температуры, но Элия имела. Она была тёплая, живая, настоящая. Элия, сказал он. Тихо, потому что после крика голос был почти шёпотом. Элия, просыпайся. Мы... мы здесь. Мы в Мгле. Я был прав. Элия. Она не шевелилась. Чёлка лежала на её лице, как тёмная запятая. Губы чуть приоткрыты. Дыхание Аэлир прижал ухо к её рту было. Тонкое, едва заметное, но было. Она была жива. Но без сознания. Здесь, в Мгле, в пространстве, о котором он читал в старой книге, которое никто не принимал всерьёз, в котором ждала дева с глазами цвета мёртвого янтаря. Аэлир сидел на коленях рядом с Элией, в серой, плотной, полной тишине, и ждал. Конец первой главы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.